

Правда о враге

Вирта сразу вошел в литературу. До этого он играл в ТРАМ и писал репортажные заметки. Первый роман сделал его писателем.

В драматургию Вирта входит так же смело и неожиданно. И первая пьеса рекомендует его, как острого и наблюдательного художника сцены.

У нас много беллетристов-ремесленников: в успехе каждого романа они видят свидетельство его сценичности. Так рождаются обрывочные инсценировки, где славное имя литератора приносится в жертву его театральной прихоти. У зрителей они вызывают лишь досаду и печальные ассоциации...

Вопреки ремесленной традиции Вирта не пересказывает роман, не повторяет его диалогов. Он пишет самостоятельное, оригинальное произведение. В его пьесе живут те же люди, что и в романе, и судьба у них схожая, а вот приемы описания, формы литературного изображения — разные.

Вирта не безразличен к законам сцены. Он умеет соблюсти условности жанра, не поступаясь при этом даже частностями своего замысла, своей излюбленной темой. Ей он не изменяет. Вирта говорит лишь о том, что хорошо знает. Из ревностной заинтересованности темой, из великолепного знания людей и событий вырастает страсть и волнение художника.

★

Злой, мстительный Сторожев в последний раз обманул доверчивого Алешку. Алешка не доглядел за бывшим хозяином и пал жертвой своей неосмотрительности. За жалость, за услугу кулака Сторожев отблагодарил его ударом ножа. И несчастная жена Алешки, у которой автоновские бандиты убили отца, сына и мужа, проклиная убежавшего врага и настойчиво требует: ищите его, ловите его, он моего Алешку убил, он и других убивать будет...

Призыв быть зорким и бдительным, призыв, обращенный к зрителям, облекает пьесу с современностью. Драматическая хроника о бело-бандитской есеровской аванюре, о кулацком восстании 1921 года обогащает нас новыми сведениями о былом. Но не только в наглядных картинах прошлого, в страшных и трогательных воспоминаниях сила этой пьесы.

Автор наблюдает прошлое, чтобы вернее ориентироваться в современности. Пьеса учит распознавать врага и быть к нему безжалостным. Вирта показывает разные типы врагов — живых, оборотливых, ненавидящих, хищных, остервенелых. Но главный из них Сторожев — свирепый, затравленный зверь с лисьей хитростью и волчьей злобой.

Банда разбита. Сторожев обречен на одиночество, на жизнь скрытную, на блуждание в лесной чаще. Но всюду он будет искать сообщников и из последних сил мотить за разрушенное кулацкое счастье, за землю, отнятую большевиками. Таких, как Сторожев, безжалостно уничтожают. Образ Сторожева — вполне реальный, жизненный, и в то же время обобщенный, символический. Пожалуй, нигде еще в нашей драматургии не был так смело показан и раскрыт классовый враг, как в пьесе Вирта.

★

Роман Вирта называется «Одиночество», пьеса — «Земля». Тема одна, но автор подходит к ней с разных сторон. Главное в пьесе — вековая борьба за землю, освобождение крестьянских масс от кабальной кулацкой зависимости и разгром есеровщины. В итоге этой жестокой борьбы врагу достается один удел — безысходное, непоправимое одиночество. Так утверждается органическое единство темы романа и пьесы.

Кроме Сторожева автор показывает растерянного авантюриста Антонова, рассудительного Сафирову, развратную истеричку Косову и других сподвижников есеровской банды — бездушных, развращенных, озверелых. Они ищут поддержки в остальных настроениях мужицкой массы. За ними идет батрак Алешка, в автоновскую «честность» еще верит и наивные правдолюбцы вроде Фрола. Но очень быстро их постигает разочарование, и они идут к большевикам — верным защитникам народа.

Вирта изображает народ тепло и любовно. Мелкие словечки, острые поговорки, характерные для тамбовской деревни, подчеркнутая локальность речи лишена всякой «пейзажной» нарочитости. Но эта лексическая окраска делает людей более конкретными и индивидуальными. Пользуясь сочными местными оборотами речи, Вирта не уходит и от литературного языка: надо обладать хорошим чувством слова, чтобы сделать «почувственный» бытовой стиль литературным, художественным.

Вирта лиричен, он любит фольклор, фантастику, сказки, всякие романтические преувеличения. Излишнюю дань он отдает сентиментальности. Можно бы избежать и некоторого мелодраматизма. Но с каким душевным обаянием выходят у него люди из народа — Фрол, Андрей, Алешка, Алешка, еще не изверившийся в автоновских баснях, беседует с братом своим Листратом. Этот разговор заставляет вспомнить картину «Два брата» Соколова-Окаля.

Листрат — коммунист. Но роль партии в пьесе не исчерпана действиями Листрата. Ее чувствуешь на каждом шагу. Успех Вирта поучителен. Сейчас десять драматургов, участников закрытого конкурса, пишут пьесы о Ленине. В пьесе Вирта Ленина нет, но в то же время образы наших вождей незримо в ней присутствуют — в рассказах ходоков к Ильичу, в сообщениях Листрата о Царицыне. Вожди революции, любимые массами, направляют их борьбу.

★

Пьеса посвящена Всеволоду Вишневскому. Влияние его заметно в творчестве Вирта. Не только в композиции пьесы, не только в ее драматической напряженности, достигаемой вне сюжетного развития, не только в мятежных, вклокоченных репликах, но и во всем возбуждающем, тревожном, обрывистом стиле речи. Слова иногда рассыпаются, как буйная шапка волос удалого, храброго витязя — и не хочется даже приглаживать эти непокорные вихри, чтобы не лишать речь драматурга ее естественного обаяния. Пусть этот не совсем выдержанный с точки зрения канонической драматургии, но в этом есть своя художественная правда.

Как Вишневский, Вирта хорошо владеет материалом. Как Вишневский, он крепко любит друзей и ненавидит врагов. Если говорить о влияниях — явных или неосознанных, — хочется вспомнить еще одно имя. На обсуждении пьесы в союзе писателей называют Льва Толстого («Власть тьмы»), Неверова («Бабы»). Это слишком далеко. Случай «Землю», вспоминаешь другое произведение с тем же названием — фильм Довженко. С ним драматурга роднит его склонность к эпическому повествованию, к поэтическому сказу, к живописности.

★

Когда вышел роман Вирта, некоторые критики пришли в замешательство. И все его достоинства объявили недостатками. Роман получил восторженное одобрение читателей. Тогда критики пересмотрели свое мнение.

Сейчас есть другая опасность. Пьеса Вирта не лишена недостатков. Но кое-кто не прочь все эти недостатки выдать за достоинства, за «оригинальную манеру» автора. Здесь не место спорить с слишком услужливыми «друзьями» Вирта. Укажем лишь на главные ошибки автора.

Он называет пьесу трагедией. Не будем возражать против этого термина. В событиях, изображенных в пьесе, немало трагичного. Но она не должна оставлять зрителя с ощущением мрачности. Пусть Сторожев скрылся, но зритель должен уйти со спектакля с просветленным, возвышенным настроением. Пьесе надо «облегчить», снять с нее лишнюю тяжесть скорбных, мучительных переживаний.

Это тем более легко сделать, что пьеса перепружена событиями. Ее надо сжать. Впрочем, к этому неминуемо придет каждый театр при ее постановке. Совместная работа Вирта с хорошим, умным театром сделает эту хорошую пьесу еще более сценичной и увлекательной.

В. ГОЛУБОВ

Сектор газетных и журнальных вырезов

Мосгорсправка НКС

Тел. 96-69

Мясницкая, 26-Б

Вырезка из газеты

Советское Искусство

от 423 ФЕВ. 41

Газета №

Москва